

ОСОБЕННОСТИ МОТИВАЦИИ У БОЛЬНЫХ С ИНТОКСИКАЦИОННЫМ ПСИХОЗОМ НА ФОНЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ СИНТЕТИЧЕСКИХ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ

[А. А. Овчинников, Р. Н. Матафонов, А. Н. Султанова, Т. Ю. Сычева](#)

*ГБОУ ВПО «Новосибирский государственный медицинский университет» Минздрава
России (г. Новосибирск)*

Целью исследования явилось изучение особенности мотивации больных с интоксикационным психозом на фоне употребления синтетических наркотических веществ. В результате исследования была выявлена взаимосвязь некоторых личностных расстройств у пациентов с их мотивационным профилем: для лиц с диссоциальным расстройством личности характерны традиционные и субмиссивные мотивы употребления, а также мотивы саморазрушения; для пограничного личностного расстройства более характерны псевдокультурные мотивы, связанные с желанием следовать нормам субкультуры; для шизотипического расстройства личности характерны традиционные мотивы употребления и для тревожного расстройства личности — субмиссивные. Были рассмотрены особенности мотивационных профилей через различия между группами испытуемых — для лиц, употребляющих синтетические катиноны, более свойственны субмиссивные мотивы; для лиц, употребляющих синтетические каннабиноиды, — субмиссивные и псевдокультурные.

Ключевые слова: мотивация, интоксикационный психоз, синтетические наркотические вещества, личностные расстройства.

Овчинников Анатолий Александрович — доктор медицинских наук, профессор, заведующий кафедрой психиатрии, наркологии и психотерапии факультета клинической психологии и социальной работы ГБОУ ВПО «Новосибирский государственный медицинский университет», e-mail: anat1958@mail.ru

Матафонов Роман Николаевич — студент 5-го курса факультета социальной работы и клинической психологии кафедры клинической психологии ГБОУ ВПО «Новосибирский государственный медицинский университет», e-mail: pandoramef@gmail.com

Султанова Акlima Накиповна — кандидат медицинских наук, доцент кафедры

Сычева Татьяна Юрьевна — кандидат педагогических наук, доцент кафедры клинической психологии ГБОУ ВПО «Новосибирский государственный медицинский университет», рабочий телефон: 8 (383) 226-19-25, tatysiaa1@mail.ru

Актуальность. В настоящее время всё большую социальную значимость приобретает проблема распространения совершенно новых синтетических наркотических веществ, изготавливаемых на небольших химических заводах и в промышленных масштабах попадающих на территорию нашей страны, более того, до сих пор некоторые из этих веществ не попадают в перечень запрещенных, и купить их может практически каждый. Также с недавних пор появляется информация как об отравлении данными веществами [1], так и о смертельных исходах [6]. Наибольшее внимание изучению данной проблемы придают психиатры и психиатры-наркологи. Современные исследования в области отечественной клинической наркологии посвящены рассмотрению клинической картины интоксикационных психозов, изучению последствий и рисков употребления синтетических каннабиноидов [7, 8]. Значимым является взгляд на проблему с точки зрения психогенетики и психофизиологии [9]. Также хочется отметить актуальные исследования в области семантических и биологических парадоксов рассматриваемой нами проблемы [3].

Вследствие массированного использования в СМИ словосочетания «синтетические наркотики», используемого для описания психоактивных веществ, разработанных с целью обхода действующего законодательства с использованием синтетических заменителей, воспроизводящего наркотические свойства натурального вещества, нарушается сама дефиниция понятия «синтетические наркотики». Если посмотреть глубже в суть определения «синтетический наркотик», то мы можем прийти к пониманию, что большинство современных наркотиков имеют синтетическую природу — это и амфетамин, и дешёвые заменители героина, и различные варианты «активаторов» вроде экстази, кодеин и многие др. Но когда мы говорим о синтетических наркотиках — мы чаще всего имеем в виду именно синтетические каннабиноиды, которые при поступлении в психиатрический стационар пациенты называют словом «спайс» (этимологию бытовых названий мы рассмотрим чуть позже), и синтетические катиноны, например мефедрон, который также часто называется «соли».

Именно данные психоактивные вещества, разработанные с целью преодоления законодательных запретов на оборот наркотических веществ, которые и назывались в нашей стране на протяжении последнего десятилетия легальными наркотиками, курительными смесями, солями для ванн — в научной литературе принято называть «дизайнерские наркотики».

Первые аналоги натуральных наркотических веществ появились в США в 1920–1930-е годы: в 1925 году на Международной конвенции по опиуму было подписано соглашение об особом контроле над оборотом морфия. Данное событие вызвало активный рост разработки аналогичных морфину психоактивных веществ, оказывающих близкий к героину эффект, но не попадающих под запреты конвенционного соглашения по своей химической структуре, веществ — это дибензоилморфин и ацетилпропионилморфин [19].

Следующий этап становления дизайнерских наркотиков приходится на вторую половину

60-х — начало 70-х годов XX века, данный этап ознаменован чрезвычайно быстрым распространением психоделических психоактивных веществ: LSD-25 и аналогов финциклидина (PCP) [21]. LSD-25 был настолько популярным наркотиком, что его поклонники пытались создать химический аналог данного вещества. За 30 лет количество химических аналогов, так называемых психоделиков, перешло за цифру в 40 известных и изученных психоактивных веществ [18].

Сам термин «дизайнерские наркотики» появляется в 80-х годах для обозначения синтетических опиоидных веществ, существующих на чёрном рынке как аналоги героина [11]. В середине 1980-х годов правительство США впервые пошло на серьёзные меры борьбы с дизайнерскими наркотиками. Именно в этот момент массовому распространению подверглось психоактивное вещество MDMA, в публицистической литературе больше известное как «экстази». Его аналоги (2C-B, AMT, BZP и др.) подвергаются государственному запрету в США, однако это породило волну зарождения нового наркотика, ставшего серьёзнейшей социальной проблемой Соединённых Штатов — метамфетамина [15].

Этап с начала 90-х годов прошлого века до середины 2000-х характеризуется как этап роста масштабов оборота дизайнерских наркотиков во многом в связи с распространения их продажи через сеть Интернет. Вещества продавались под видом химических реагентов для школьных лабораторий, саше, солей для ванн (откуда и пошло современное название мефедрона — соль), что очень затрудняло работу государственных институтов контроля над оборотом наркотических веществ. Усугублялось ещё сильнее всё тем, что химические заводы, занимающиеся промышленным синтезом данных веществ, часто меняли химическую формулу, де-юре делая эти психоактивные вещества полностью легальным товаром для продажи [10].

Современный этап рассмотрения проблемы характеризуется небывалым ростом оборота дизайнерских наркотиков. Условным лидером рынка с 2004 года являются синтетические каннабиноиды, входящие в состав так называемых курительных смесей, основным действующим веществом которых в первую очередь являлось соединение JWH-018 и CP47,497. Одним из брендов курительных смесей, который в период 2004–2009 годов занимал лидирующую позицию по продаже данных психоактивных веществ под видом благовоний, являлся торговый бренд «Spice» (читается как «спайс», от английского — приправа, специя).

Именно эта популярная в своё время торговая марка задала название для всех других видов синтетических каннабиноидов, в то время как сам «Spice» запрещён на территории нашей страны с 2009 года [12]. Однако производители курительных смесей по сей день активно работают над тем, чтобы продавать свой продукт легально, это привело к тому, что на данный момент официально известно и изучено только свыше четырёхсот различных соединений фенилацетилиндола и нафтолиндола (JWH), огромный гомологический ряд для циклогексилфенола (CP 47,497), используются олеамиды и дибензопираны (HU-210) [3].

Употребление и последующая интоксикация данными курительными смесями влечёт за собой тахикардию, сопровождаемую тревожными состояниями. Сообщается о случаях возникновения паранойи, галлюцинаций и психотомиметических эффектов [14]. Внешними симптомами наркотического опьянения являются краснота глаз, размашистость или заторможенность движений, неестественность поз, расслабление речевой мускулатуры и, следовательно, невнятность речи; для более тяжелого опьянения — беспричинный смех, болтливость и перепады настроения, фиксированный взгляд, бред

[1].

Every-Palmer в своём исследовании предполагает, что курительные смеси, содержащие JWH-018 (который является диссоциативом), способны вызывать психотические состояния [13]. Отмечается, что употребление курительных смесей на основе синтетических каннабиноидов обладает приблизительно схожим эффектом, что и при употреблении марихуаны, но только значительно более выраженным по интенсивности [2].

Употребление синтетических катинонов (метилендиоксипировалерон, метилон и мефедрон), которые носят название «солей для ванн», влечёт за собой следующие симптомы: тахикардия, тошнота, галлюцинации, паранойя, панические атаки, суицидальные попытки, вызванные употреблением данного вещества. Также внешние симптомы принято сравнивать с симптоматикой передозировки психостимуляторами: расширенные зрачки, непроизвольные мышечные движения, ослабление зрения, высокий уровень артериального давления. В психиатрической практике зарегистрировано множество случаев психических расстройств, вызванных употреблением данных психоактивных веществ [20].

Количество обращений в медицинские организации Новосибирской области психиатрического и наркологического профиля с психотическими расстройствами, возникшими вследствие употребления дизайнерских наркотиков в период с 2012 по 2013 год, выросло на 63 % [7].

Тенденция к увеличению числа интоксикационных психозов характерна для России в целом. За период с 2009 по 2012 год отмечается рост госпитализаций больных психозами, связанных с употреблением наркотических и психотропных веществ, в 2,8 раза. Увеличение данного показателя может свидетельствовать об изменении структуры употребления наркотиков или появлении новых психоактивных веществ с более выраженным влиянием на психику человека, что приводит к развитию психозов [5].

Обширное распространение и доступность дизайнерских наркотиков является глобальной социальной проблемой. Постоянные попытки изменить формулу вещества так, чтобы они были легальными для продажи на территории Российской Федерации, влекут за собой необратимые последствия для соматического и психического здоровья тех, кто их употребляет, не говоря уже о формировании аддикции к синтетическим психоактивным веществам. Нередко отмечают случаи, когда после единичного употребления синтетических катинонов у человека случается интоксикационный психоз, требующий незамедлительной госпитализации и лечения.

Динамика распространения данного вида наркотиков пугает, несмотря на все принимаемые государством меры по борьбе с оборотом данных веществ. Клинические, экспертные и юридические исследования данной проблемы не успевают за меркантильным интересом производителей синтетических наркотических веществ, погружая решение рассматриваемой нами проблемы в ещё большую неопределенность. Мотивационные характеристики лиц, употребляющих наркотики, являются достаточно хорошо исследованной темой и при этом весьма актуальной в наши дни. Взаимосвязь употребления дизайнерских наркотиков с мотивацией изучена менее хорошо, однако сама проблематика «синтетических наркотиков» является очень актуальной в современной обстановке, потому как интоксикационный психоз на фоне употребления синтетических наркотических веществ — явление, более распространённое в силу химического состава самих веществ, а также их сравнительно лёгкой доступности для

лиц, употребляющих наркотики.

Следует также держать в области внимания тот факт, что лёгкая доступность фактически легальных наркотиков формирует группу риска наркотической зависимости, изменяя социальную ситуацию в нашей стране. Понимание мотивов наркотизации с использованием именно дизайнерских наркотиков позволит сделать шаг навстречу решению этой проблемы.

В данном психологическом исследовании выборку составили пациенты из городских семей. Основная группа выборки формировалась на основе следующих критериев: наличие у пациента диагноза «Инттоксикационный психоз»; наличие в анамнезе факта употребления синтетических психоактивных веществ, за которым последовала госпитализация в психиатрический стационар. Группа сравнения формировалась на основе следующих критериев: наличие у пациента диагноза «наркомания», в анамнезе употребление синтетических каннабиноидов.

Социальный состав основной группы характерен для лиц, употребляющих наркотические вещества, — разнорабочие и безработные мужчины, в большинстве случаев имеется минимум одна судимость; также в большинстве случаев предполагается серонегативный период ВИЧ-инфекции, так называемый период окна, контакта избегают, при общении ведут себя дистанцированно. Испытуемые из основной группы находятся в психиатрическом стационаре — они проходят назначенное им психофармакалогическое лечение.

Группу сравнения можно охарактеризовать иначе — молодые люди, безработные и студенты, вследствие уже проведённой с ними длительной психотерапевтической работы достаточно открыты для контакта, рефлексивны. Охотно вступают в диалог и делятся своими переживаниями, иногда даже когда это бывает не совсем уместно.

Первоначальная выборка составила 26 человек. После исключения респондентов по причине наличия невыполненных до конца диагностических методик и наличия недостоверных результатов окончательная выборка составила 20 человек. Исследование основной группы проводилось на базе Государственной Новосибирской клинической психиатрической больницы № 3. Основную группу составили 10 человек (мужчины, средний возраст 27,8 года), попавшие в интоксикационное отделение после употребления синтетических катинонов («солей»). Также в анамнезе представителей данной группы имеется употребление опиатов, у двоих респондентов — употребление синтетических каннабиноидов. Группа сравнения составила 10 человек (мужчины, средний возраст 25,1 года), употребляющих синтетические каннабиноиды, у одного респондента в анамнезе употребление опиатов, также у одного испытуемого в анамнезе употребление синтетических катинонов с последующей госпитализацией в интоксикационное отделение (более пяти лет назад). Для диагностики мотивации употребления синтетических психоактивных веществ особое внимание уделялось изучению и анализу мотивов употребления наркотических веществ, степени зависимости от употребления таких веществ (мотивы употребления наркотиков), а также влиянию патохарактерологических особенностей личности на мотивационную сферу испытуемого (Диагностический тест личностных расстройств).

Средние значения по шкалам Диагностического теста личностных расстройств приведены в табл.

Средние баллы по шкалам Диагностического теста личностных расстройств

Шкалы Диагностического теста личностных расстройств	Средние баллы	
	Основная группа	Группа сравнения
F — шкала достоверности	3	3
L — шкала патологической лжи	0	0
П — параноидное расстройство личности	1	1
Ш — шизоидное расстройство личности	0	1
Шт — шизотипическое расстройство личности	1	1
И — истерическое расстройство личности;	1	1
Н — нарциссическое расстройство личности	1	1
Пг — пограничное расстройство личности	2	3
Дс — диссоциальное расстройство личности	4	3
Тр — тревожное расстройство личности	0	2
З — зависимое расстройство личности	1	1
Ан — ананкастное расстройство личности	0	1
ПА — пассивно-агрессивное расстройство личности	1	1
Дт — дистимическое расстройство личности	1	1

Из данной таблицы видно, что в основной группе преобладает диссоциальное личностное расстройство, для постановки которого по Диагностическому тесту личностных расстройств В. П. Дворщенко [4] необходимо набрать 4 балла, и действительно, в основной группе диссоциальное расстройство личности диагностируется у 90 % испытуемых (9 человек).

Анализируя информацию, полученную в группе сравнения, можно сделать вывод, что в этой группе не существует какого-то одного преобладающего расстройства личности, и действительно, у 20 % испытуемых группы сравнения диагностируется пограничное расстройство личности (2 человека), у 20 % — тревожное расстройство личности (2 человека). Однако это является скорее стечением обстоятельств, нежели закономерностью, если доверять проведённому анализу отношений шансов Odd Ratio ($p = 0,260$). Также в группе сравнения выявлено 40 % случаев диссоциального расстройства личности (4 испытуемых), что демонстрирует тенденцию к значимым различиям по сравнению с основной группой, что также подтверждает и анализ отношений шансов.

Е. В. Черепкова в своём исследовании указывает на то, что молодые люди, предрасположенные к употреблению психоактивных веществ, выявляют симптоматику личностных расстройств и склонны к криминальному поведению. Предполагается, что генетические особенности нейромедиаторной системы у наркотизирующихся проявляются в фенотипе симптомами психических расстройств, в том числе и поведенческих реакций (нарушения поведения), влечением употребить ПАВ с развитием психической и физической зависимости. Отчетливая связь криминогенности личности и наследственности с наркологическими заболеваниями у наркотизирующихся может свидетельствовать об общем патогенезе развития влечения к наркотикам и криминального поведения [9].

В подтверждение результатам данного исследования хочется отметить, что у 55 % испытуемых (11 человек) в анамнезе минимум одна судимость или наличие условного

срока. Также диссоциальное расстройство личности, как фактор криминогенности личности, диагностируется у 65 % опрошенных (13 человек).

Анализ средних значений по опроснику Мотивы употребления наркотиков показал, что есть определенные мотивы, имеющие одинаковую выраженность как для основной группы, так и для группы сравнения, в первую очередь это, безусловно, субмиссивные мотивы употребления наркотиков (19 баллов). Степень выраженности данного показателя свидетельствует о том, что зачастую опрошенные из двух групп начинали употреблять наркотики под влиянием своего близкого социального окружения.

Также хочется отметить, что в группе сравнения преобладают псевдокультурные мотивы употребления (19 баллов), это говорит нам о том, что лица, употребляющие синтетические каннабиноиды, чаще стремятся приспособиться к наркоманическим ценностям молодёжной субкультуры, нежели лица, употребляющие синтетические катиноны. Данные различия подтверждаются при статистическом анализе полученных результатов, и имеют достоверную значимость.

В основной группе общая степень зависимости от наркотиков имеет более высокие результаты (134 балла), это может быть продиктовано сразу несколькими факторами: в интоксикационное отделение часто попадают больные, у которых интоксикационный психоз развился на основе смешанного аддиктивного поведения (употребление наркотических веществ на фоне длительного употребления алкоголя), а также стоит учитывать тот фактор, что группа сравнения состоит из лиц, проходящих реабилитацию в наркологическом диспансере, с ними проводится очень активная работа по борьбе с зависимостью, что тоже влияет на результат общей степени зависимости от употребления наркотиков.

Не менее выражены в основной группе испытуемых и такие мотивы употребления наркотиков, как традиционные (18 баллов) и мотивы самоповреждения (18 баллов).

Мотивы самоповреждения отражают не только необходимость причинить себе вред, но также и мотивацию употребления из-за потери перспективы будущего, утраты смысла трезвой жизни. Лица с диссоциальным расстройством личности часто не имеют стабильной работы [4], что является важным экзистенциальным фактором в вопросе отношения к своему будущему, а как следствие — и наркотизации.

Исследование показало, что при использовании U-критерия Манна-Уитни диссоциальное расстройство личности имеет тенденцию к значимости ($p = 0,024$) различий между основной группой и группой сравнения, данное расстройство личности чаще встречается в основной группе, что подтверждается и при проведении анализа отношения шансов ($p = 0,0352$, Odds ratio = 13,5; 95 % CL = 1,197-152,218). Данные результаты, а также результаты исследования Е. В. Черепковой [9], демонстрируют нам то, что употребление синтетических катинонов и возникший на этом фоне интоксикационный психоз имеет взаимосвязь с диссоциальным личностным расстройством, и выражается это в том, что употребление синтетических катинонов может исходить из общей криминогенности личности. В основе данного употребления лежат мотивы, имеющие криминогенную природу.

Высокие показатели субмиссивных мотивов употребления наркотиков могут быть тесно связаны с тем, что диссоциальные личности часто находятся в криминальных или около-криминальных кругах, где употребление наркотиков в целом считается более нормальным, чем в других социальных группах.

Исследование F. Moeller [17] демонстрирует нам то, что люди с диссоциальным расстройством личности употребляют алкоголь и наркотики в 21 раз чаще, чем лица с другими расстройствами личности, однако наше исследование демонстрирует нам тенденцию к отрицательной взаимосвязи между диссоциальным расстройством личности и общей степенью зависимости от употребления наркотиков ($p = 0,039$; $R = -0,464$). Данные результаты могут демонстрировать нам важность криминогенных мотивов в рассмотрении данного вопроса и позволяют говорить больше о социальных причинах употребления наркотиков, чем об аддикции.

Как уже говорилось выше, лица с диссоциальным расстройством личности часто не имеют стабильной работы, также к этому присоединяется то, что большинство испытуемых основной группы имели минимум одну или больше судимостей, что также отрицательно сказывается на успешном профессиональном будущем лиц с данным личностным расстройством. Понимание данной проблематики на более высоком уровне, а также некоторые реформы пенитенциарной системы могли бы привести к хорошей динамике в вопросах психологической и социальной реабилитации данных лиц.

Также, с помощью использования U-критерия Манна-Уитни стало известно, что в группе лиц, употребляющих синтетические каннабиноиды, тревожное расстройство личности встречается чаще ($p = 0,02$), чем в основной группе, однако анализ отношения шансов не подтверждает данной закономерности ($p = 0,26$), что демонстрирует нам скорее стечение обстоятельств, а также высокий уровень неопределённости данных показателей.

Значимые различия ($p = 0,0082$) в показателях псевдокультурных мотивов употребления наркотиков между основной группой и группой сравнения говорят нам о том, что лица, употребляющие синтетические каннабиноиды, чаще стремятся приспособиться к наркоманическим ценностям молодёжной субкультуры, нежели лица, употребляющие мефедрон.

Данные результаты свидетельствуют о том, что в силу своей более лёгкой доступности, а также менее выраженного эффекта, синтетические каннабиноиды отлично справляются с функцией вещества для инициации новых членов подростковых групп. Эту проблему можно рассмотреть и с точки зрения употребления наркотиков как черту криминогенной субкультуры, а высокие показатели псевдокультурной мотивации употребления — следствием закрытой природы подобных групп.

Корреляционный анализ с применением критерия коэффициента корреляции Спирмена демонстрирует тенденцию к значимости положительной зависимости для шизотипического личностного расстройства и традиционных мотивов употребления наркотиков ($p = 0,023$; $R = 0,503$). Данная взаимосвязь также может быть объяснена с точки зрения рассмотрения клинической картины шизотипического расстройства личности.

Традиционные мотивы употребления психоактивных веществ лицами с шизотипическим расстройством личности диктуются необычными перцептивными восприятиями, которые свойственны для шизотипиков, сюда также можно добавить выраженную метафизическую интоксикацию для лиц с данным типом личностного расстройства, а многие эзотерические учения в своей основе содержат описание традиций употребления психоактивных веществ, преследуя различные цели — от уничтожения собственной истории до стремления к просветлению.

Нами была выявлена тенденция к значимости зависимости наличия пограничного расстройства личности и субмиссивных мотивов употребления наркотиков ($p = 0,045$; $R =$

0,450). Лица с пограничным личностным расстройством наиболее сильно подвержены риску начала употребления наркотиков через субмиссивную мотивацию вследствие сразу многих факторов, описывающих их личность: склонность к идеализации партнёра, страх покидания, хроническое чувство скуки [16] ведут к тому, что если человек из ближайшего окружения предложит употребить психоактивное вещество с ним за компанию, то велика вероятность того, что лицо с пограничным расстройством личности пойдёт на поводу этого человека.

Проблема осложняется тем, что синтетические каннабиноиды обладают некоторой маской легальности и безвредности, что усиливает субмиссивную мотивацию для лиц с пограничным личностным расстройством.

Использование критерия коэффициента корреляции Спирмена выявляет тенденцию к значимости отрицательной зависимости для диссоциального расстройства личности и псевдокультурных мотивов употребления ($p = 0,026$; $R = -0,495$), что также подтверждается анализом различий в показателях псевдокультурных мотивов употребления наркотиков у группы лиц, употребляющих синтетические каннабиноиды, где диссоциальное расстройство встречается реже. Как уже обсуждалось выше, это демонстрирует нам большую значимость субмиссивных мотивов употребления наркотиков в кругах лиц с диссоциальным расстройством личности, нежели псевдокультурных, характеризующихся в первую очередь проявлением стремления стать частью субкультуры, что не может быть свойственно для человека с диссоциальным расстройством личности.

Также обнаруживается тенденция к значимости отрицательных зависимостей для лиц с пассивно-агрессивным расстройством личности и гедонистических, атактических мотивов и мотивов гиперактивации ($p = 0,025$; $R = -0,496$; $p = 0,017$; $R = -0,524$ и $p = 0,024$; $R = -0,499$ соответственно).

Однако, что о лицах с пассивно-агрессивным расстройством личности, что о лицах с шизотипическим расстройством личности мы не можем судить, в полной мере используя эти результаты, так как в нашей выборке были только испытуемые с показателями акцентуирования в их личности, т. е. ниже уровня минимально допустимых чисел по данным шкалам личностных расстройств.

Мы можем лишь сделать вывод, что возможно для лиц с пассивно-агрессивным расстройством личности несвойственно начинать употребление синтетических наркотиков с целью получения удовольствия, снятия абстиненции или расширения активационных возможностей своего тела, а истинные причины употребления наркотических средств лицами с пассивно-агрессивным расстройством личности лишь требуют дополнительного глубокого изучения.

Использование критерия коэффициента корреляции Спирмена выявляет тенденцию к значимости отрицательной зависимости для диссоциального расстройства личности и традиционных мотивов употребления наркотиков ($R = -0,740$; $p = 0,014$), а также достоверную отрицательную зависимость для диссоциального расстройства личности и мотивов гиперактивации ($R = -0,760$; $p = 0,010$). Данные результаты могут подтверждать наше предположение о том, что для диссоциального расстройства личности свойственны всё же субмиссивные мотивы употребления наркотиков, как уже обсуждалось выше.

Также существует тенденция к зависимости субмиссивных мотивов употребления наркотиков с пограничным расстройством личности ($R = 0,694$; $p = 0,025$).

Лица с пограничным личностным расстройством наиболее сильно подвержены риску начала употребления наркотиков через субмиссивную мотивацию вследствие сразу многих факторов, описывающих их личность: склонность к идеализации партнёра, страх покидания, хроническое чувство скуки [16] ведут к тому, что если человек из ближайшего окружения предложит употребить психоактивное вещество с ним за компанию, то велика вероятность того, что лицо с пограничным расстройством личности пойдёт на поводу этого человека.

Выявлена тенденция к отрицательной зависимости между двумя расстройствами личности (шизотипическое и дистимическое) и мотивами самоповреждения (для обеих корреляций $R = -0,649$; $p = 0,042$). Анализируя данную тенденцию к зависимости, мы можем судить о том, что для лиц с данными личностными расстройствами нехарактерно употребление наркотиков с целью нанести себе вред, противостоять обществу и справиться со своими экзистенциальными переживаниями. Это подтверждается частично тем, что в дополнение к этому найдена зависимость между шизотипическим расстройством личности и традиционным мотивом употребления наркотиков.

Найдена тенденция к достоверной зависимости между истерическим расстройством личности и абстинентными мотивами употребления наркотиков. Данные результаты свидетельствуют о возможности наличия у лиц с истерическим расстройством личности желания с помощью наркотиков снять абстинентные явления, дискомфорт, улучшить самочувствие.

Корреляционный анализ в группе сравнения выявил сразу несколько тенденций и отрицательных зависимостей для пассивно-агрессивного расстройства личности. Например, выявлена достоверно значимая отрицательная зависимость для пассивно-агрессивного расстройства личности и гедонистических мотивов ($R = -0,792$; $p = 0,006$), которая говорит нам о том, что возможно лица с пассивно-агрессивным личностным расстройством в наименьшей степени преследуют цель получить удовольствие, употребляя наркотики. Также найдена тенденция к отрицательной зависимости пассивно-агрессивного расстройства личности и аддиктивных мотивов ($R = -0,722$; $p = 0,018$), пассивно-агрессивного расстройства личности и атарактических мотивов ($R = -0,663$; $p = 0,036$) и пассивно-агрессивного личностного расстройства с традиционными мотивами ($R = 0,657$; $p = 0,038$).

Данные взаимосвязи демонстрируют нам, что чем сильнее выражены пассивно-агрессивные черты данного личностного расстройства, тем в меньшей степени мотивацией для наркотизации являются описанные выше мотивы. Понимание свойственных пассивно-агрессивным личностям мотивов употребления наркотиков требует более глубокого и специализированного исследования.

Также найдена тенденция к зависимости пограничного расстройства личности с мотивами самоповреждения ($R = 0,632$; $p = 0,049$). Самоповреждающее поведение является неотъемлемой частью пограничного личностного расстройства, и употребление наркотиков с целью нанесения вреда себе только усиливает необходимость отнесения лиц с данным личностным расстройством к группе риска по наркотизации.

Достоверных различий между группами и зависимостей, связанных с частотой госпитализации, не выявлено. Это демонстрирует нам истинную глубину проблемы формирования влечения к психоактивным веществам, в том числе синтетическим наркотикам, и мотивация на употребление наркотиков не может быть связана с тем,

был ли у человека интоксикационный психоз или нет. Отсутствие достоверных различий между испытуемыми, категоризованными по госпитализации, опровергает одну из частей гипотезы нашей научно-исследовательской работы.

Выводы. Анализируя проделанную работу с интерпретацией полученных результатов, хочется отметить, что, несмотря на небольшой набор диагностических методик, были получены достаточно обширные и интересные данные, относящиеся к достаточно актуальной проблеме употребления синтетических наркотических веществ. Также стоит отметить, что эти данные могут иметь прикладной характер и служить вспомогательным инструментом для организации реабилитационной работы с лицами, употребляющими синтетические психоактивные вещества.

В первую очередь хочется отметить важную взаимосвязь личностных расстройств и мотивов употребления наркотиков. Структура личности влияет на мотивацию употребления наркотиков, а значит понимание патохарактерологической картины лиц с интоксикационными психозами на фоне употребления синтетических наркотических веществ является важным профилактическим и терапевтическим аспектами.

Наиболее часто встречающиеся мотивы употребления наркотиков у лиц, имеющих личностные расстройства в нашей выборке, — субмиссивные, псевдокультурные и мотивы самоповреждения.

Нами были обнаружены различия в мотивах употребления наркотиков основной группы (пациенты психиатрического отделения) и группой сравнения (пациенты наркологического реабилитационного стационарного отделения), что подтверждает значимость прохождения реабилитации в наркологических центрах, что является достаточно важным вопросом в изучении влияния синтетических наркотиков на психику и организм человека.

Список литературы

1. Острые отравления новыми синтетическими наркотиками психостимулирующего действия : информационное письмо для врачей / К. М. Брусин [и др.]. — Екатеринбург, 2011. — 18 с.
2. Головки А. И. Новые запрещенные каннабиноиды. Нейрохимия и нейробиология / А. И. Головки // Наркология. — 2010. — № 7. — С. 68–83.
3. Терминологические и биологические парадоксы феномена «дизайнерские наркотики» / А. И. Головки [и др.] // Наркология. — 2015. — № 1. — С. 69–83.
4. Дворченко В. П. Диагностический тест личностных расстройств / В. П. Дворченко. — СПб. : Речь, 2008. — 112 с.
5. Кошкина Е. А. Оказание наркологической помощи населению Российской Федерации в 2012 году / Е. А. Кошкина, В. В. Киржанова, О. И. Гусева // Вопр. наркологии. — 2013. — № 4. — С. 14.
6. Надежкин А. В. Нет — наркотикам [Электронный ресурс] / А. В. Надежкин // Информационно-публицистический ресурс. — Режим доступа : (<http://narkotiki.ru/>). — Дата обращения : 10.10.2015.
7. Овчинников А. А. Синтетические каннабиноиды: психотропные эффекты, побочные действия, риски употребления [Электронный ресурс] / А. А. Овчинников, О. Н. Патрикеева // Медицина и образование в Сибири : сетевое научное издание. — 2014. — № 3. — Режим доступа : (http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=1431). — Дата обращения : 10.10.2015.
8. Патрикеева О. Н. Интоксикационные психозы у потребителей синтетических

- каннабиноидов / О. Н. Патрикеева, А. А. Овчинников, О. М. Кормилина // Наркология. — 2015. — № 1. — С. 41-44.
9. Черепкова Е. В. Патогенетическая значимость полиморфизма ряда генов нейромедиаторной системы, ассоциированных с личностными расстройствами, при наркотизации / Е. В. Черепкова, Н. А. Бохан, И. М. Митрофанов // Наркология. — 2011. — № 3. — С. 64-68.
 10. De Boer D. A new trend in drugs of abuse; the 2C-series of phenethylamine designer drugs / D. De Boer, I. Bosman // Pharmacy world & science. — 2004. — 110 p.
 11. Cooper D. A. Future Synthetic Drugs of Abuse / D. A. Cooper. — Drug Enforcement Administration, McLean, Virginia, 1990.
 12. EMCDDA. Understanding the «Spice» phenomenon. — Lisbon : EMCDDA, 2009. — 37 p.
 13. Every-Palmer S. Synthetic cannabinoid JWH-018 and psychosis : an explorative study / S. Every-Palmer // Drug and Alcohol Dependence. — 2011. — N 117. — С. 152-157.
 14. Ginsburg B. C. Purity of Synthetic Cannabinoids Sold Online for Recreational Use / B. C. Ginsburg // J. Anal. Toxicol. — 2012. — Vol. 1, N 36. — P. 66-68.
 15. Jenkins Ph. Synthetic Panics : The Symbolic Politics of Designer Drugs / Ph. Jenkins // NYU Press. — 1999. — 248 p.
 16. Millon T. Personality Disorders in Modern Life / T. Millon. — New York : John Wiley and Son, 2000. — 308 p.
 17. Moeller F. G. Antisocial personality disorder, alcohol, and aggression / F. G. Moeller, D. M. Doughert // Alcohol Research and Health. — 2001. — Vol. 1. — P. 5-11.
 18. Combined intoxication with methylene and 5-MeO-MIPT / E. Shimizu [et al.] // Progress in Neuropsychopharmacology and Biological Psychiatry. — 2007, Jan 30. — Vol. 31 (1).
 19. UNODC «Esters of Morphine» // UNODC : Bulletin on Narcotics. — Vol. 2. — P. 36-38.
 20. Van der Veer N. Persistent psychosis following the use of Spice / N. Van der Veer, J. Friday // Schizophr. Res. — 2011. — Vol. 130, N 1-3. — P. 285-286.
 21. Zukin S. R. Phencyclidine (PCP). In Lowinson, Joyce H. Substance Abuse: A Comprehensive Textbook / S. R. Zukin, Z. Sloboda, D. C. Javitt. — 4th ed. — Philadelphia : Lippincott Williams & Wilkin, 2005.

FEATURES OF MOTIVATION AT PATIENTS WITH TOXIC PSYCHOSIS AGAINST THE USE OF SYNTHETIC DRUGS

[*A. A. Ovchinnikov, R. N. Matafonov, A. N. Sultanova, T. Y. Sycheva*](#)

SBEI HPE «Novosibirsk State Medical University of Ministry of Health» (Novosibirsk)

The research objective was studying of feature of motivation at patients with toxic psychosis against the use of synthetic narcotic substances. As a result of research the interrelation of some personal disorders at patients with their motivational profile was revealed: traditional and submissive motives of the drug use and also motives of self-damage are distinctive for persons with antisocial disorder of the person; the pseudo-cultural motives connected with desire to follow norms of subculture are specific for borderline personality disorder; traditional motives of the drug use for schizotypal disorder of the person and for anxious personality disorder — are submissive. Features of motivational profiles via differences between groups of examinees were considered: for the persons using synthetic cathinone submissive motives are more distinctive; for the persons using synthetic cannabinoids — submissive and pseudo-cultural.

Keywords: motivation, toxic psychosis, synthetic narcotic substances, personal disorders.

About authors:

Ovchinnikov Anatoliy Aleksandrovich — doctor of medical science, professor, head of psychiatry, addictology and psychotherapy chair of faculty of clinical psychology and social work at SBEI HPE «Novosibirsk State Medical University of Ministry of Health», e-mail: anat1958@mail.ru

Matafonov Roman Nikolaevich — student of the 5th course of social work and clinical psychology faculty of clinical psychology chair at SBEI HPE «Novosibirsk State Medical University of Ministry of Health», e-mail: pandoramef@gmail.com

Sultanova Aklima Nakipovna — candidate of medical science, assistant professor of clinical psychology chair at SBEI HPE «Novosibirsk State Medical University of Ministry of Health», e-mail: sultanova.aklima@yandex.ru

Sycheva Tatyana Yurevna — candidate of pedagogical science, assistant professor of clinical psychology chair at SBEI HPE «Novosibirsk State Medical University of Ministry of Health», office phone: 8 (383) 226-19-25

List of the Literature:

1. Acute poisonings with new synthetic narcotics of psychogogic action: information letter for doctors / K. M. Brusin [et al.]. — Yekaterinburg, 2011. — 18 p.
2. Golovko A. I. New forbidden cannabinoids. Neurochemistry and neurobiology / A. I.

- Golovko // Addictology. — 2010. — N 7. — P. 68-83.
3. Terminological and biological paradoxes of phenomenon «design narcotics» / A. I. Golovko [et al.] // Addictology. — 2015. — N 1. — P. 69-83.
 4. Dvorshchenko V. P. Diagnostic test of personal disorders / V. P. Dvorshchenko. — SPb. : Speech, 2008. — 112 p.
 5. Koshkina E. A. Rendering the narcological drug treatment to the population of the Russian Federation in 2012 / E. A. Koshkina, V. V. Kirzhanova, O. I. Guseva // Issues of addictologies. — 2013. — N 4. — P. 14.
 6. Nadezhdin A. V. Say no to drugs [electron resource] / A. V. Nadezhdin // Information and publicistic resource. — Access mode : (<http://narkotiki.ru/>). — Access date : 10.10.2015.
 7. Ovchinnikov A. A. Synthetic cannabinoids : psychotropic effects, side effects, risks of the use [electron resource] / A. A. Ovchinnikov, O. N. Patrikeeva // Medicine and education in Siberia: online scientific publication. — 2014. — N 3. — Access mode : (http://ngmu.ru/cozo/mos/article/text_full.php?id=1431). — Access date : 10.10.2015.
 8. Patrikeeva O. N. Toxic psychoses at consumers of synthetic cannabinoids / O. N. Patrikeeva, A. A. Ovchinnikov, O. M. Kormilina // Addictology. — 2015. — N 1. — P. 41-44.
 9. Cherepkov E. V. Pathogenetic importance of polymorphism of a series of neuromediator system genes associated with personal disorders at a narcotization / E. V. Cherepkova, N. A. Bokhan, I. M. Mitrofanov // Addictology. — 2011. — N 3. — P. 64-68.
 10. De Boer D. A new trend in drugs of abuse; the 2C-series of phenethylamine designer drugs / D. De Boer, I. Bosman // Pharmacy world & science. — 2004. — 110 p.
 11. Cooper D. A. Future Synthetic Drugs of Abuse / D. A. Cooper. — Drug Enforcement Administration, McLean, Virginia, 1990.
 12. EMCDDA. Understanding the «Spice» phenomenon. — Lisbon : EMCDDA, 2009. — 37 c.
 13. Every-Palmer S. Synthetic cannabinoid JWH-018 and psychosis : an explorative study / S. Every-Palmer // Drug and Alcohol Dependence. — 2011. — N 117. — C. 152-157.
 14. Ginsburg B. C. Purity of Synthetic Cannabinoids Sold Online for Recreational Use / B. C. Ginsburg // J. Anal. Toxicol. — 2012. — Vol. 1, N 36. — P. 66-68.
 15. Jenkins Ph. Synthetic Panics : The Symbolic Politics of Designer Drugs / Ph. Jenkins // NYU Press. — 1999. — 248 p.
 16. Millon T. Personality Disorders in Modern Life / T. Millon. — New York : John Wiley and Son, 2000. — 308 p.
 17. Moeller F. G. Antisocial personality disorder, alcohol, and aggression / F. G. Moeller, D. M. Doughert // Alcohol Research and Health. — 2001. — Vol. 1. — P. 5-11.
 18. Combined intoxication with methylene and 5-MeO-MIPT / E. Shimizu [et al.] // Progress in Neuropsychopharmacology and Biological Psychiatry. — 2007, Jan 30. — Vol. 31 (1).
 19. UNODC «Esters of Morphine» // UNODC : Bulletin on Narcotics. — Vol. 2. — P. 36-38.
 20. Van der Veer N. Persistent psychosis following the use of Spice / N. Van der Veer, J. Friday // Schizophr. Res. — 2011. — Vol. 130, N 1-3. — P. 285-286.
 21. Zukin S. R. Phencyclidine (PCP). In Lowinson, Joyce H. Substance Abuse: A Comprehensive Textbook / S. R. Zukin, Z. Sloboda, D. C. Javitt. — 4th ed. — Philadelphia : Lippincott Williams & Wilkin, 2005.